

Е Мянй цыкнул, дотянулся до мягкой подушки, прижал её к груди и только тогда возразил:

— Да дело вовсе не в возрасте. Просто Чжуан Сюй вечно со мной не ладит. Мы с ним столько раз ссорились, и только в последнее время отношения немного наладились. У него отвратительный, вздорный характер, он жутко капризный — глядишь, через пару дней опять примется меня изводить.

Тут Е Мянй усмехнулся:

— Если так он проявляет к кому-то симпатию, то ему суждено всю жизнь провести в одиночестве.

Е Цзин лишь отмахнулся и сухо заметил:

— Всё это неважно. Глупцы, когда творят глупости, всегда ведут себя подобным образом. Ты ещё мал, с таким не сталкивался, так что неудивительно, что тебе это и в голову не пришло. Брат говорит тебе это не для того, чтобы ты что-то предпринимал, а чтобы ты был начеку и остерегался его. В его возрасте люди порой сами не понимают, что творят. К тому же у него в руках власть, и пока он будет напролом делать глупости, пытаясь разобраться в собственных чувствах, то вполне может мимоходом навредить тебе. Но ты-то в чём виноват?

Е Цзин заправил прядь волос у виска Е Мянйа ему за ухо и, глядя на него, со вздохом произнес:

— С какой стати нашему замечательному молодому господину становиться подопытным для этих дураков? Тебе нужно держаться от него подальше. Вот только с его положением, если он действительно решит преследовать тебя, скрыться будет трудно. Так что будь умнее и не суйся к нему сам, как сегодня.

Е Мянй округлил свои миндалевидные глаза, слушая брата в полном ошеломлении. Конечно, слова старшего брата звучали разумно, но он никак не мог поверить, что Чжуан Сюй испытывает к нему подобные чувства.

Это было слишком дико!

Видя его замешательство, Е Цзин мягко успокоил его:

— Впрочем, бояться не нужно. В Великой Вэнь издавна процветает мужская любовь, так что рано или поздно ты всё равно бы с этим столкнулся. К тому же ты хорош собой как никто другой. Сейчас ты ещё мал, и это не так заметно, но через пару лет, когда ты повзрослеешь и детские черты исчезнут, подобных докучливых ухажёров станет гораздо больше. То, что ты столкнулся с этим так рано, даже неплохо. Напротив, ты можешь сам попрактиковаться на нём, чтобы потом, когда вырастешь и встретишь кого-то более навязчивого, не растеряться.

Е Цзин поболтал с Е Мянйем ещё о всяких пустяках. Тот не выдержал и осторожно спросил:

— Брат, а к тебе... кхм... многие на улице пристают?

Е Цзин не стал увиливать от ответа и лишь сухо подтвердил:

— Да.

— И как ты?..

Е Цзин усмехнулся и, опустив глаза, спокойно ответил:

— Примерно в твоём возрасте я тоже обжёгся. В те времена за моей спиной была лишь Резиденция заместителя министра, отец мало чем мог мне помочь, да и о некоторых вещах говорить с ним было неловко. Позже я сдал государственные экзамены и поступил на службу, заслужил благосклонность Императора и полностью посвятил себя карьере. Год напролёт днями и ночами я расследовал для верхов секретные дела в Судебном приказе Далисы, пока наконец не завоевал доверие Его Величества. С тех пор иметь дело с подобными людьми стало гораздо проще.

Е Мянью крепко нахмурился и со злостью ударил кулаком по постели:

— И кто же заставил тебя пострадать?

Е Цзин усмехнулся:

— Столько времени прошло, не стоит и вспоминать.

И на губах его заиграла холодная усмешка:

— Пусть теперь эти ничтожества попробуют хоть пальцем меня тронуть.

Но Е Мянью всё равно злился. Он сжал губы, а кулаки его так и остались плотно сжатыми.

Е Цзин, глядя на брата, хоть и нашёл это забавным, но почувствовал душевное тепло. Он приобнял его за плечи и сказал:

— Тебе сейчас легче, чем мне тогда. У тебя есть я. Пусть я и не могу оберегать тебя каждую минуту, но припугнуть их сумею. Я рассказал тебе обо всём заранее именно для того, чтобы ты не оставался в неведении и тебя не обвели вокруг пальца те, кто созрел раньше времени.

Снаружи ночная колотушка отбила четыре удара — один быстрый и три медленных. Завтра одному нужно было идти в Императорскую академию Гоцзысюэ, а другому — в Судебный приказ Далисы. Видя, что уже поздно, Е Цзин не стал больше задерживаться. Впереди ещё много времени, и если Е Мянью усвоит хотя бы половину из сказанного сегодня, то уже слава богу.

Предположение Е Цзина оправдалось: хоть Е Мянью и признавал правоту брата, он всё же до конца не верил, что Чжуан Сюй питает к нему такие чувства. Тем не менее, он невольно принялся вспоминать все странности в поведении этого человека. Раньше он списывал всё на капризный характер, но теперь понял, что это не так — почему-то с остальными Чжуан Сюй не вел себя то дружелюбно, то враждебно.

Е Мянью раздражённо перевернулся на другой бок, решив, что при следующей встрече обязательно расспросит его обо всём напрямую. Оба ведь мужчины, к чему эти жеманства и загадки.

Тем временем во дворе Князя Жуннаня Чжуан Сюй тоже не спал.

В зале ярко горели светильники, заливая всё светом, будто днём. На полу ниц лежали слуги. Чжуан Сюй с бесстрастным лицом сидел за столом и, держа в руках иголку с ниткой, неумело нанизывал алые коралловые бусины.

Стоявший подле него Евнух Ся, заметив, как на пальце хозяина из свежего укола иглы выступила капелька крови, от жалости чуть не расплакался. Его молодой господин с самого

детства ещё никогда не терпел таких лишений и обид.

На следующее утро слуги окружили постель, пытаясь разбудить хозяина. Е Мянью лёг спать глубокой ночью, да и заснул далеко не сразу, так что подняться вовремя он просто не мог. Он то и дело хныкал, капризничал и упрямился, наотрез отказываясь выбираться из-под одеяла. Е Цзин, который уже переоделся в чиновничье платье и собирался уходить, услышал это из внешней комнаты, зашёл внутрь и отвесил брату два звонких шлепка по мягкому месту, мгновенно вырвав его из объятий сна.

Пыхтя и ворча, Е Мянью наконец поднялся и, потирая пострадавшее место, стал одеваться и умываться с помощью служанок, которые едва сдерживали смех, прикусив губы.

В академии он полдня просидел как на иголках, думая совершенно о другом. Едва прозвучал колокол на полуденный отдых, он немного поколебался, но всё же поспешил во двор Князя Жуннана.

Теперь он был частым гостем в этой усадьбе, так что стража его даже не задерживала, и докладывать о его приходе слугам не требовалось. Чжуан Сюй, как раз собиравшийся обедать, при виде вошедшего Е Мянью заметно растерялся.

— А я думал, ты сегодня не придёшь.

Е Мянью потер нос и сел напротив него. Евнух Ся собственноручно подал Е Мянью пиалу и палочки, после чего увёл всех слуг. Перед уходом он всё же не удержался и тихо напутствовал:

— Поговорите спокойно, только не ссорьтесь. Старый слуга будет караулить снаружи.

Е Мянью подождал, пока все выйдут, сперва улыбнулся Чжуан Сюю и лишь затем произнес:

— Вчера вышло нехорошо, это моя вина. Раньше, когда мы повздорили, я сгоряча пожаловался брату, — Е Мянью смущенно почесал затылок. — Сказал, что ты вечно меня задираешь, наговорил про тебя всякого. А вчера вечером он увидел, что я плакал, и подумал, что это опять из-за тебя...

— О чём ты хотел меня спросить? — перебил его Чжуан Сюй.

— А? — растерялся Е Мянью.

— Е Цзин вчера наверняка наговорил тебе обо мне всякого. Спрашивай напрямую, мне скрывать нечего.

Е Мянью промолчал. Раз уж ты настроен так решительно, то я не стану церемониться, подумал он.

Е Мянью поднял на него взгляд и спросил:

— Брат сказал, что тебе нравятся мужчины и что ты ко мне равнодушен. Это правда?

Чжуан Сюй медленно поднял глаза, пристально посмотрел на него и не торопясь, отдельно произнёс:

— Бесстыдник...

Е Мянью онемел.

Пока Е Мянью сгорал от смущения, Чжуан Сюй вдруг улыбнулся, приоткрыв кончики белоснежных клыков. На его лице, обычно таком надменном, промелькнуло редкое детское озорство.

Он и без того был необычайно красив, ничуть не уступая Е Цзину, а его улыбка и вовсе озаряла всё вокруг, подобно утренней заре.

Е Мянью невольно сжал пальцы, чувствуя неловкость и мысленно ругая брата за вчерашние выдумки о чужой влюбленности.

Пока Е Мянью лихорадочно придумывал, как бы половчее сгладить ситуацию, Чжуан Сюй слегка опустил голову, снова тихо рассмеялся и добавил:

— Но твой брат не ошибся.

Чжуан Сюй поднял голову и посмотрел Е Мянью прямо в глаза. Во взгляде его читалась абсолютная серьезность.

— Ты мне действительно нравишься.

Е Мянью опешил.

— Раньше я просто хотел забрать тебя себе в названные братья, но всё казалось, будто что-то не так. И только недавняя отповедь Господина Дуаньхуа подействовала на меня как ушат холодной воды и открыла глаза.

Чжуан Сюй окинул Е Мянью долгим взглядом из-под прищуренных век, и лицо его на миг приняло мечтательное выражение:

— Разве мне мало быть просто братьями? Должно быть совсем по-другому...

По-другому — это как?!

От этих слов у Е Мянью затрепетало сердце, а по шее побежали мурашки.

Постаравшись сохранить невозмутимый вид, он напустил на себя спокойствие и поднялся из-за стола:

— Я наелся, мне пора.

Чжуан Сюй, конечно же, заметил его испуг. Он не стал его удерживать, лишь поставил чашу на стол и серьезно добавил:

— Раз уж ты всё разузнал и теперь понимаешь мои намерения, при следующей нашей встрече я буду вести себя с тобой уже совсем иначе.

Е Мянью ускорил шаг и почти выбежал из комнаты. "Какая ещё следующая встреча? — крутилось у него в голове. — Больше никаких встреч не будет. Я послушаюсь брата и стану держаться от тебя как можно дальше".